

Взрывы хохота, доносившиеся из спальни, были слышны даже на улице. Лу Чжихань легко мог представить, как Цзян Нин сгорает от смущения под подначками гостей.

— Хватит над ним издеваться, — не удержался он. — Откройте дверь, пусть войдёт.

— Э-э, нет, сноха, ты слишком отходчив! — тут же отозвался чей-то голосок.

В школе Цзян Нин держался настолько дерзко и отстранённо, что упустить единственный шанс отыграться друзья просто не могли.

— Мы тут, между прочим, заранее реквизитом запаслись!

Цзян Нин опустил взгляд: из щели под дверью медленно выползал какой-то листок. Юноша поднял его и обомлел.

Перед ним лежал бланк заданий Единого государственного экзамена по естественным наукам.

Он же уже сдал Гаокао! За что его снова пытаться этим мусором?!

Из-за двери тем временем донёсся загробный шепот:

— И даже не думай писать наугад! У нас на руках ключи с ответами. Пока не наберёшь девяносто пять процентов, внутрь не войдёшь!

Цзян Нин сжал зубы, вытребовал у стоящего рядом парня ручку и прямо на весу, прижав листок к косяку, принялся строчить ответы. Кажется, даже на настоящем экзамене он так не нервничал.

Рука его летала с такой нечеловеческой скоростью, что со стороны могло показаться, будто он черкает наугад. Стоявшие в коридоре голые энтузиасты — выпускники престижнейших вузов и подчинённые Лу Чжиханя — попытались сунуть носы в задания, чтобы помочь новобращному, но при виде сложных формул у всех мгновенно потемнело в глазах.

Те, кто успел отстрадаться на Гаокао несколько лет назад, теперь смотрели на текст как на иероглифы древних майя и понятия не имели, правильно ли парень отвечает.

Без единой подсказки Цзян Нин расправился с тестом за пару минут и решительно затолкал бланк обратно под дверь.

Спустя мгновение щёлкнул замок.

Юноша едва успел перевести дух, как прямо в лицо ему ткнули плотным алым шелком. Глаза мгновенно застлала непроницаемая красная пелена.

— Финальное испытание! — Ду Кай с ехидной ухмылкой завязал концы повязки на затылке Цзян Нина. — Брат Нин, вы столько раз держались за руки. Ведь не составит труда узнать свою суженую чисто на ощупь, а?

Цзян Нин с силой стиснул челюсти.

Ну что за паршивцы!

Ду Кай заметил, как юноша полез рукой во внутренний карман смокинга, и в испуге отшатнулся на два шага. Неужели они перегнули палку и Цзян Нин всерьёз взбесился?

Он уже собирался дать задний ход и снизить сложность, как прямо ему в физиономию влетел увесистый красный конверт.

— Заткнись, забирай бабло и сгинь, — отрезал Цзян Нин.

Почувствовав в руках хрустящие купюры, Ду Кай тут же расплылся в улыбке:

— Есть! Извольте проходить, господин новобрачный!

Подобные глупые уловки для Цзян Нина не представляли никакой сложности. Он касался этой ладони тысячи раз. Температура кожи, текстура, каждый изгиб суставов и фаланг — даже с плотной повязкой на глазах ответ был выжжен в самом его сердце.

Юноша шагнул к последнему человеку в шеренге, протянул руку и накрыл пальцами чужую ладонь. Знакомое, родное тепло мгновенно откликнулось в груди.

Не нуждаясь ни в каких дополнительных проверках, Цзян Нин твердо произнес:

— Нашёл.

Он сдёрнул повязку. Вместе с ярким светом перед ним проявился Лу Чжихань. Тот стоял в самом центре комнаты, окружённый гостями, в ослепительно белом, словно свежевypавший снег, костюме, на лацкане которого алела изящная бутоньерка.

Хлоп!

Вокруг со скрежетом и грохотом выстрелили хлопушки.

Разноцветный серпантин и блестящие конфетти дождём осыпали головы и плечи новобрачных.

— Поздравляем! Брат Нин, с днем свадьбы!

Шедшие следом помощники тут же принялись раздавать присутствующим красные конверты с отпечатанными золотом пожеланиями.

— Делимся любовью, делимся счастьем!

— Налетайте на конверты, завтра же все пары себе найдёте!

В комнате царил оглушительный, тесный гвалт, но этот шум не вызывал ни капли раздражения.

— Натерпелся ты с ними, — улыбнулся Лу Чжихань и заботливо смахнул с волос жениха блестящую ленточку. — Всё никак успокоиться не могли.

Цзян Нин перехватил его за запястье, пальцы сжались крепко и уверенно. Взгляд юноши пылал:

— Пойдём. Пора сделать тебя моим мужем.

Выставочный центр Линьцзяна

У входа в выставочный центр выстроилась внушительная армада журналистов. В основном здесь собрались представители финансовых изданий, но хватало и светских хроникеров, привлечённых исключительно громким инфоповодом и эффектной внешностью виновников торжества. Все вытягивали шеи в предвкушении.

— Смотрите! Едут! — выкрикнул кто-то из толпы.

В тот же миг десятки длиннофокусных объективов взмыли в воздух. Охотники за эксклюзивом прождали под открытым небом не один час.

На улицу выкатил торжественный кортеж. Каждое авто выглядело как мощный стальной зверь, невероятно дорогой и хищный, но благодаря пышным гирляндам из свежих цветов машины смахивали на суровых супергероев, нарядившихся в балетные пачки.

Едва колонна остановилась, журналисты мгновенно облепили возглавлявший её «Роллс-Ройс»,

сжав кольцо так плотно, что муха бы не пролетела. Однако сквозь тонированные стёкла высокой степени защиты разглядеть ничего не удавалось.

Из идущих следом машин высыпали дружки жениха. В руках они держали длинные связки петард.

— Разойдись, народ! Сейчас рванёт! — закричали они, расталкивая репортёров.

Спустя секунду у колёс со звонким треском загрохотали взрывы, подкидывая в воздух едкие клубы серого дыма. Прессе пришлось спешно отступить, зажимая уши.

В салоне же премиального седана царил идеальная, почти абсолютная тишина.

Цзян Нин сидел на заднем сиденье. Впервые в жизни он оказался в центре внимания стольких камер, и сохранить полное хладнокровие было непросто.

— Не переживай, — Лу Чжихань мягко погладил его по спине. — Сегодня наш день. К тому же ты выглядишь просто неотразимо. Мой юный новобрачный.

От этих слов Цзян Нин мгновенно вспыхнул до корней волос, и лёгкая нервозность тут же переросла в бешено стучащий в груди пульс.

Как только треск петард снаружи утих, Лу Чжихань толкнул дверцу. В салон ворвался горячий воздух, пропитанный пороховой гарью.

— Пойдём, — Лу Чжихань сжал его ладонь.

Заметив движение, репортёры вновь рванули вперёд, стараясь опередить конкурентов. Защелкали затворы, заплясали слепящие вспышки.

Первым из автомобиля вышел Лу Чжихань. На фоне палящего солнца его белый костюм казался ледяным, а сам он излучал привычную строгую прохладу. Лицо оставалось невозмутимым и суровым.

Даже искушённые светские фотографы, привыкшие к глянцевым красоткам и актерам, на мгновение замерли от этой аристократической холености. Не будь он главой крупнейшей корпорации, с такой внешностью он запросто покори́л бы киноиндустрию.

Замешательство длилось лишь секунду, после чего на Лу Чжиханя посыпался град вопросов и направленных микрофонов:

— Господин Лу, этот брак — чисто коммерческий расчёт?!

— Раскройте планы по интеграции бизнесов! Собирается ли семья Цю переносить свои активы в страну?!

Лу Чжихань чуть прищурился и медленно окинул прессу ледяным взглядом. Репортёры невольно сглотнули — вдоль хребтов у них пробежал ощутимый холодок, и толпа сама собой подалась назад, освобождая проход.

— Сегодня моя свадьба, — ровно произнёс он. — Попрошу без вопросов о работе.

В этом спокойном предупреждении звучала четкая, не допускающая возражений угроза. Журналисты мгновенно вспомнили: перед ними человек, который никогда не славился мягким характером. За безупречными манерами и элегантным костюмом скрывался жесткий и опасный хищник.

Толпа мысленно сочувствовала загадочному юному наследнику семьи Цю. Беднягу наверняка выставили на торги ради семейных интересов, а жить ему теперь с человеком, пред которым придётся ходить по струнке и, чуть что, вымаливать прощение на коленях...

И тут из машины поднялась вторая фигура.

Высокий, статный юноша с точёным профилем, выразительными бровями и широким разворотом плеч. Он выглядел словно надменный богатый бунтарь из молодёжной драмы.

При виде Цзян Нина репортёры снова замерли. Это и есть молодой господин Цю? Не слишком ли он хорош собой?!

Вдвоём они смотрелись так безупречно, будто сошли с обложки глянцевого журнала.

Едва Цзян Нин встал рядом, суровость Лу Чжиханя испарилась без следа. Ледяной бизнесмен исчез: на глазах у десятков объективов он нежно прижал к себе ладонь юноши и, слегка наклонившись, запечатлел на его лбу трепетный поцелуй.

Журналисты затаили дыхание: «...?!»

Никто не ожидал увидеть подобную сцену. Вспышки защелкали с удвоенной силой, словно пытаясь опровергнуть их недавние домыслы.

Это не имело ничего общего с холодным договором или коммерческой фальшивкой.

Пока пресса приходила в себя, пара уже шагнула на красную дорожку и скрылась за массивными дверями выставочного комплекса.

Неужели они ошиблись? Они действительно настолько близки? Подобное не сыграть ни за какие деньги.

Главный банкетный зал

Внутри выставочного центра гремели нежные свадебные марши. Огромный зал был уставлен круглыми столами, в центре каждого из которых, помимо изысканных деликатесов, возвышался пышный букет роскошных кливий.

Здесь собрался весь цвет Линьцзяна. Брак связывал два финансово-промышленных гиганта, и посещение этого торжества было для местной элиты лучшим способом засвидетельствовать своё почтение.

Цзян Хунчжи с большим трудом выбил пару пригласительных билетов и теперь сидел за одним из дальних столов вместе со своим отцом, Цзян Дэ.

Однако, в отличие от соседей, увлечённо обсуждавших последние новости, к их столику никто не подходил. Все избегали с ними контактировать.

Семья Цзян действительно скопила солидное состояние, но среди присутствующих бедняков не было. А главное — все знали о затяжном конфликте между Лу Чжиханем и домом Цзян.

Никто не хотел портить отношения с Президентом Лу в день его триумфа.

Старик Цзян Дэ, глядя на то, как рушатся связи, наработка которых потребовала десятков лет, снова распалялся от ярости:

— Всё из-за тебя, никчёмный бездарь!

А ведь он с самого детства вкладывал в этого сына все силы и надежды!

— Папа, да успокойся ты, — тихим шепотом оправдывался Цзян Хунчжи. — В прошлый раз всё испортил Цзян Нин, который напел ему в уши всякой дряни. Но теперь господин Лу женится, не станет же он помнить старые мелкие обиды.

Он всё продумал. Он воспользуется моментом, принесёт извинения и вручит щедрый подарок.

В конце концов, от денег ещё никто не отказывался.

Не успел он закончить мысль, как свет в зале пригас. Яркий луч прожектора выхватил из темноты возвышающуюся впереди сцену.

На подмостки вышел ведущий с микрофоном:

— Уважаемые дамы и господа! Приветствуем вас на этом великолепном празднике любви и единения!

Зал взорвался аплодисментами.

— В этот торжественный момент мы имеем честь представить вам человека, согласившегося стать официальным свидетелем нашего союза — заслуженного наставника новобрачного!

На сцену поднялся пожилой мужчина в строгом френче. Сю Гошэн, прослуживший у школьной доски всю жизнь, на столь помпезной трибуне заметно нервничал.

Сидевший в зале Цзян Хунчжи нахмурился.

Лицо этого человека казалось ему знакомым. Он точно где-то его видел, но никак не мог вспомнить, где именно.

— А теперь встретим виновников торжества! — провозгласил ведущий.

Луч света переместился к дальнему концу подиума. Под прицелом сотен глаз, держась за руки, на сцену ступили двое юношей в белоснежных костюмах.

И в этот момент лицо таинственного наследника семьи Цю открылось общественности.

Присутствующие онемели: «...?!»

Что?!

Разве это не тот самый парень, которого семья Цзян с позором выставила за дверь?!

Шок накрыл зал волной. Те, кто не знал Цзян Нина лично, шепотом переговаривались с соседями, быстро восстанавливая хронологию событий.

Все помнили, как Цзян Хунчжи поливал грязью «неблагодарного приёмного щенка»,

параллельно хвастаясь успехами своего родного сына.

И этот самый юноша, которого они списали со счетов, оказался единственным законным преемником могущественной семьи Цю и супругом Лу Чжиханя?!

Немыслимо!

Но вместе с изумлением гостей охватил откровенный сарказм. Какая ирония! Семья Цзян своими руками выбросила сказочное богатство и обрела смертельного врага!

Сидевшие за одним столом с Цзян Хунчжи бизнесмены без единого слова встали и перебрались за соседние столы.

Цзян Хунчжи, увидав Цзян Нина на сцене, застыл с открытым ртом. Под столом он с силой отвесил себе две звонкие пощёчины.

Не может быть.

Это какая-то ошибка!

Как этот оборванец мог оказаться единственным наследником семьи Цю?!

Сидевший рядом Цзян Дэ от удушающей ярости начал задыхаться. Старик дрожащими пальцами полез в карман за валидолом, но пузырёк выскользнул из рук и со звоном разбился о паркет, рассыпав таблетки.

Цзян Хунчжи опомнился и бросился на колени собирать лекарство. За что тут же получил от отца тяжеловесный подзатыльник.

Старик багровел на глазах. Навлечь на себя гнев таких людей... Как им теперь вообще жить в Линьцзяне?!

На сцене Цзян Нин даже не догадывался о разыгравшейся внизу драме. Увидев Сю Гошэна, он окончательно растерялся.

Его классный руководитель, вечно бубнящий учитель математики, перед которым он раньше спал на уроках и прогуливал занятия... Но именно этот человек когда-то совал ему в руки сборники заданий и просил не губить будущее и не впутываться в глупые романы.

— Старина Сю... — Цзян Нин никак не ожидал встретить его здесь, да ещё и в такой роли. — Как вы тут оказались?

— Я здесь не один, — улыбнулся учитель. — Весь наш третий класс пришёл.

Цзян Нин взглянул в зал. Из первого ряда ему активно махала руками группа знакомых ребят. Скинув школьную форму и облачившись в строгие костюмы, они казались совсем взрослыми.

Сю Гошэн взял микрофон:

— Сегодня для меня большая честь стоять здесь в качестве вашего свидетеля и как вашего бывшего учителя. Цзян Нин — парень с горячим и добрым сердцем. Он проявил невероятное упорство в учёбе и добился выдающихся результатов, став моей настоящей гордостью. А господин Лу Чжихань... Именно благодаря тебе он так изменился. Твоя забота, твоё терпение помогли ему вырасти и встать на ноги. Я от всего сердца желаю вам хранить эту верность, поддерживать друг друга и дожить вместе до глубокой старости!

Под громкие аплодисменты Лу Чжихань повернулся к Цзян Нину и заметил в углах его глаз влажный блеск. Он знал: несмотря на всю свою показную дерзость, Цзян Нин искренне дорожил этими людьми.

Когда Сю Гошэн договорил, Цзян Нин шагнул вперёд и крепко обнял старика:

— Вообще-то, когда вы ругали меня за раннюю любовь... Это был не кто-то из школы. Это всегда был он. Просто я не знал, как вам сказать.

— Ну, даже если бы ты молчал, — мягко усмехнулся Сю Гошэн, — твоё поведение говорило само за себя.

За все годы учёбы учитель ни разу не видел, чтобы Цзян Нин смотрел на кого-то с таким трепетом и восторгом, как на той школьной спартакиаде, когда рядом был Лу Чжихань.

Сю Гошэн спустился со сцены, и ведущий подхватил микрофон:

— А теперь наступает самый долгожданный момент! Просим новобрачных обменяться кольцами!

Ассистентка вынесла бархатный поднос. На красном шелке покоились два ослепительных кольца разного размера, инкрустированные редкими бриллиантами.

— Эти украшения созданы по эксклюзивному эскизу самого Цзян Нина при участии ведущих ювелирных мастеров, — вдохновенно вещал ведущий. — Они уникальны, но главное — в них заключена вся глубина его чувств к Лу Чжиханю.

Лу Чжихань удивлённо повернул голову. Он впервые видел эти кольца.

В последние недели Цзян Нин наотрез отказывался обсуждать тему украшений. Лу Чжихань подозревал, что тот снова смастерит что-то сам, но не ожидал подобного уровня.

В отличие от скромного серебряного перстня, который юноша подарил ему когда-то, эти кольца выглядели поистине благородно и изысканно.

Лу Чжиханю мгновенно представилась картина: Цзян Нин в защитных очках под яркой лампой ювелирной мастерской кропотливо шлифует драгоценный металл.

— Прошу вас обменяться кольцами!

Цзян Нин взял кольцо с подноса. На этот раз его пальцы не дрожали, как в первый раз.

Результат многодневных трудов его полностью удовлетворял. Он испортил с десятков заготовок, прежде чем добился идеальной формы. На руке Лу Чжиханя кольцо смотрелось невероятно гармонично — именно так и должно выглядеть украшение для настоящего аристократа.

Едва кольцо опустилось на палец, ведущий выкрикнул главную фразу:

— Теперь вы можете поцеловать своего супруга!

Перед лицом сотен гостей и одноклассников даже бесстрашный Цзян Нин мгновенно вспыхнул.

Поцеловать? Прямо сейчас?!

Он не привык демонстрировать нежность на публике. Но пока юноша боролся с собранным в кулак смущением, к его губам уже прикоснулась знакомая прохлада.

Лу Чжихань поцеловал его первым.

Зал взорвался криками и свистом. Голова Цзян Нина пошла кругом. Позже, пересматривая свадебную видеозапись, он с удивлением обнаружит, что они простояли так очень долго.

Загородная усадьба семьи Цю

После первой, официальной части в выставочном центре, вторая половина праздника переместилась в частное поместье семьи Цю.

Под бескрайним синим небом на сочной траве резвились дети. Здесь царила непринужденная, домашняя атмосфера обычного семейного пикника.

Цзян Нин переоделся в традиционный красный костюм с золотым шитьём, предназначенный для свадебных тостов, и вместе с мужем подносил напитки родственникам.

Учитывая слабый желудок Лу Чжиханя, в пиалах была обычная чистая вода — исключительно ради традиции.

Когда все ритуалы завершились, фотограф навел объектив:

— Все на лужайку! Делаем общее фото!

Гости собрались под лёгкими тентами, трепетавшими от теплого ветерка.

Цзян Нин встал в самом центре. Притихшие ребятишки с испачканными в траве одежками сгруппировались у его ног. Юноша нагнулся и заботливо смахнул травинку с головы одного из малышей.

Карапуз с большими, как спелые виноградины, глазами уставился на него и звонко произнёс:

— Спасибо, братик!

Цзян Нин улыбнулся, а малыш продолжил допытываться:

— Братик, а это твоя свадьба? Твоя невеста такая красивая! А у вас скоро будет ребеночек?

Цзян Нин опешил:

— Тебе-то зачем?

— Чтобы вместе играть! Спиногрызы — это весело! Я больше всего люблю маленьких сестрёнок!

— А если братик родится?

— Братик... — малыш надул губы. — Ну, пусть тогда ходит за мной и слушается.

— Внимание на камеру! — выкрикнул фотограф. — Три, два, один!

В самый последний момент Цзян Нин импульсивно притянул Лу Чжиханя за плечо и припал к его губам. Вспышка запечатлела этот Поцелуй навсегда.

Домашний кинотеатр усадьбы

Наступил вечер. После ужина на столах появились напитки.

В кинозале на мягких диванах развалились бывшие ученики третьего класса. На столе перед ними возвышались батареи пивных бутылок, винные бокалы и даже крепкий алкоголь.

В последний раз они собирались таким составом в караоке после выпускного. Но тогда Цзян Нин был сам не свой и ушёл в самый разгар вечера.

Тогда он обыграл всех в кости и напоил до полусмерти. На этот раз спортивный комиссар Ло Цзяньань решил взять реванш:

— Сегодня мы просто обязаны отыграться! Цзян Нин должен уйти в спальню на автопилоте!

В дверях раздался холодный смешок.

Все обернулись. На пороге стоял Цзян Нин, скрестив руки на груди:

— Золотые слова. А я как раз собирался посчитаться за утренний штурм двери.

При этих словах виновники утреннего розыгрыша дружно вздрогнули. Ду Кай тут же подскочил к Цзян Нину и принялся услужливо подставлять стул:

— Верно, Брат Нин! Накажи этих затейников!

Цзян Нин ледяным движением смахнул его руку:

— Кто придумал тест по Гаокао? И чья идея была с повязкой?

В огромной комнате установилась гробовая тишина.

— Ясно, — резюмировал Цзян Нин. — Валим всех без разбора. Несите кости. Сегодня никто сухим из воды не выйдет!

Мсть настгла виновных незамедлительно.

Цзян Нин восседал в кресле в одиночку против целой коалиции, но переиграть его не мог никто. Впрочем, соперников было слишком много. Спoив всю компанию, юноша и сам ощутил лёгкий хмель.

Слуги развели гостей по комнатам, и на Цзян Нина накатила свинцовая усталость.

Планировка загородного дома была ему непривычна. Юноша долго блуждал по коридорам, пока наконец не отыскал свадебную спальню.

На двери алел традиционный иероглиф «Двойное счастье», а постель была убрана красным шелком. Цзян Нин замер на пороге, чувствуя непривычную робость.

Дверь ванной открылась. Из неё вышел Лу Чжихань. На нём была свободная пижама, а от влажных волос шел лёгкий пар.

— Пил? — Лу Чжихань достал из шкафа чистую одежду для мужа. — Иди в душ, я приготовлю тебе медовую воду.

—... Угу.

Цзян Нин послушно зашел в ванную. Под действием алкоголя мысли текли медленно, но, снимая одежду, он аккуратно отложил кольцо в сухое и безопасное место.

Он мылся куда дольше обычного.

Лу Чжиханю даже пришлось постучать. Лишь после этого Цзян Нин вышел наружу, вытирая мокрые волосы полотенцем.

Муж протянул ему стакан с тёплым напитком:

— Пей.

Цзян Нин сел на край кровати. Лу Чжихань взял фен и мягко принялся сушить его пряди:

— Устал за день?

— Угу.

— Тогда ложись спать.

Цзян Нин выпил сладкую воду, поставил стакан на тумбочку, но туман в голове не рассеивался.

Юноше казалось, что он забыл сделать что-то очень важное. Какую-то мелочь, о которой думал весь день.

Волосы высохли. Лу Чжихань убрал фен, но едва повернулся, как Цзян Нин уткнулся носом в его шею, крепко обняв за талию.

— Жёнушка... — голос его звучал глухо и сдавленно.

Лу Чжихань не видел его лица, но ощущал, как горит кожа юноши.

Цзян Нин попятился носом по его шее, жадно вдыхая родной запах:

— Ты так вкусно пахнешь...

— Это гелем для душа.

— Нет, — серьёзно возразил Цзян Нин. — Это твой собственный запах.

Щеки Лу Чжиханя вспыхнули. Он смутился не меньше мужа:

— Ты же устал. Ложись.

—... Угу.

Под воздействием хмеля Цзян Нин был невероятно послушным. Он забрался под одеяло, закрыл глаза и, казалось, тут же уснул.

Лу Чжихань погасил свет.

Но едва он лёг рядом, Цзян Нин резко перевернулся. Его тёмные глаза в полумраке светились недетским упрямством:

— Я вспомнил!

Лу Чжихань обомлел:

— Что вспомнил?

Цзян Нин надулся, резко сел на кровати и с обидой буркнул:

— Ты за весь день... За весь день ни разу не назвал меня этими двумя словами!

— А?

— Ну... — Цзян Нин судорожно сглотнул. — Ну... «Муженёк».

Он нахмурился.

Вообще-то этот титул был явным преувеличением. Что, если Лу Чжихань просто не хочет его так называть?

Цзян Нин отчаянно жаждал услышать это слово, поэтому его прежняя категоричность сменилась готовностью идти на компромисс:

— Ну... Если тебе не хочется... Можешь называть меня «жёнущкой»...

Лу Чжихань тихо рассмеялся. Наклонившись ближе, он почувствовал горячее дыхание юноши.

— Муженёк.

Прохладный, родной аромат накрыл Цзян Нина с головой. Его тело дрогнуло, а дыхание в тишине спальни стало рваным и тяжелым.

Лу Чжихань находил его реакцию невероятно милой. Он подался ещё ближе, тихим шепотом дразня своего юного супруга:

— Муженёк... Так надо говорить?

Цзян Нин сгорел от смущения и закрыл лицо руками:

— Всё, хватит... Я... Я понял!

<http://bllate.org/book/19724/1945507>